

Кириенко Наталья Геннадьевна

КРИСТОФ ФЕРБЕР – ПЕРЕВОДЧИК ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ Ф. И. ТЮТЧЕВ

В статье освещается современная переводческая рецепция любовной лирики Ф. И. Тютчева немецкоязычным интерпретатором Кристофом Фербером, представлен развернутый сравнительный анализ перевода стихотворения "Последняя любовь". Обоснована адекватность воспроизведения переводчиком художественного мира русского поэта, его философских установок и стилистических особенностей изложения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 107-110. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

цели. Среди этих целей – стремление познакомить широкий круг читателей с литературными шедеврами, где одно из ключевых мест занимает комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Говоря об обывателях (без какого-либо негативного смысла), адресуя им свое произведение, автор «Семейства Холмских» «украшает» роман, использует материалы литературного Олимпа, привлекает внимание «среднего» читателя к творчеству авторов более высокого уровня, тем самым стимулируя обращение к высокой литературе.

Список литературы

1. **Бегичев Д. Н.** Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, Русских дворян. М.: Типография Николая Степанова, 1841.
2. **Грибоедов А. С.** Горе от ума. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1987. 480 с.
3. **Грибоедов А. С.** Полн. собр. соч. / под ред. Арс. И. Введенского. СПб.: изд. А. Ф. Маркса, 1892. 392 с.
4. **Мещеряков В. П.** Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX в). Л.: Наука, 1983. 266 с.
5. **Пиксанов Н. К.** История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // Грибоедов А. С. Горе от ума. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1987. С. 388-443.

**NOVEL “THE KHOLMSKY FAMILY” BY D. N. BEGICHEV
AND COMEDY “WOE FROM WIT” BY A. S. GRIBOEDOV AS INTERTEXT**

Kalashnikova Evgeniya Vladimirovna
Volgograd State Social-Pedagogical University
jane-ka74@mail.ru

The author tells about the intertextual relations of literature of the middle of the XIXth century by the example of the use of parallels, quotations, reminiscences from Griboedov's comedy –“Woe from Wit” in temper-descriptive novel –“The Kholmisky Family. Some Features of Tempers and Way of Life, Family and Alone, of the Russian Nobles” by D. N. Begichev, and also shows the role of the novel in the aspect of a broad range of –average” readers familiarization with a literary masterpiece of their time.

Key words and phrases: intertextuality; temper-descriptive prose; literature for –average” reader; stimulating reading.

УДК 82-1

Филологические науки

В статье освещается современная переводческая рецепция любовной лирики Ф. И. Тютчева немецкоязычным интерпретатором Кристофом Фербером, представлен развернутый сравнительный анализ перевода стихотворения «Последняя любовь». Обоснована адекватность воспроизведения переводчиком художественного мира русского поэта, его философских установок и стилистических особенностей изложения.

Ключевые слова и фразы: Ф. И. Тютчев; лирика; переводческая рецепция; интерпретация.

Кириенко Наталья Геннадьевна

Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета
chenk@mail.ru

КРИСТОФ ФЕРБЕР – ПЕРЕВОДЧИК ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ Ф. И. ТЮТЧЕВА[©]

Отечественное тютчеведение располагает огромным исследовательским материалом творчества поэта, незаурядность которого состоит в том, что его личностное становление прошло в «Германии туманной», которая оказала огромное влияние на Тютчева-мыслителя.

Следует упомянуть, что обе жены Тютчева были немками по происхождению, и что своим первым браком он породнился с немецким поэтом Фридрихом Францем фон Мальтицем, дружил с Гейне, спорил с Шеллингом. Однако всю свою жизнь поэт разговаривал и думал не на немецком языке или на русском, а на языке дипломатии — французском. И славянофил Тютчев не понимал и не симпатизировал политике немецких государств (как и европейской политике вообще), о чем достаточно убедительно свидетельствуют его письма ко второй жене. Но, несмотря на это, он предпочитал оставаться в Германии, снова и снова был гоним из России, как он выражался, «Herausweh» (тоской и желанием находиться вне [России]). Сложно определить, в чем же заключалась эта «Herausweh»; но Тютчев, вне всякого сомнения, нашел что-то родное в немецкой культуре, так как обстановка, с которой он очень свыкся, постоянно привлекала его [3, S. 301]. Именно поэтому тютчевский гений принадлежит не только русской, но и мировой культуре.

Справедливым представляется тот факт, что творчество Тютчева-поэта все-таки получило резонанс в Германии, с которой его связала судьба. Рецепция лирики Тютчева в Германии – тема малоизученная. Тем не менее, переводческая рецепция лирики русского поэта охватывает как стихотворения, переведенные еще при жизни их автора, так и современные интерпретации. Обратимся к последнему на сегодняшний день переводу на немецкий язык любовной лирики Тютчева.

В 1993 году в переводе швейцарского слависта Кристофа Фербера в Цюрихе был издан двуязычный сборник «*Die letzte Liebe*. Последняя любовь Стихотворения на жизнь и смерть Елены А. Денисьевой». Составитель Ульрих Шмид включил в так называемый «денисьевский цикл» 26 стихотворений Ф. И. Тютчева с переводами Фербера. Сборник «*Die letzte Liebe*. Последняя любовь» был переиздан в Германии в 2006 году.

Представляет интерес перевод лирики Тютчева Кристофом Фербером не только потому, что он – наш современник (родился в 1954 году в Сенгене, Швейцария), и иноязычная интерпретация творчества русского поэта отдалена от оригинала как ментально, так и целой временной эпохой, но и по тому факту, что Фербер уже успел зарекомендовать себя как талантливый переводчик русской, болгарской и итальянской лирики. Он окончил факультет славистики, романистики и истории искусства в Лаузанском университете под руководством Витторио Страда и защитил диссертацию по теме: «Русский символизм». С 1983 года является независимым переводчиком и лектором университетов Катании и Пескары. С 1999 года живет в Пагусе (Италия). За короткое время Фербер выпустил шесть книг стихотворных переводов, выполненных с большой тщательностью и любовью, – «Валерий Брюсов. *Chefs d'oeuvre*. Стихотворения из девяти книг» (1986 г.), «Зинаида Гиппиус. Ранние стихи» (1987 г.), «Михаил Лермонтов. К***. Стихотворения, строфы, стихи для альбома» (1991 г.).

Попытки выяснить, насколько точно Ферберу удалось передать красоту и глубину тютчевской мысли, особое мироощущение русского поэта, достаточно успешно, на наш взгляд, осуществились при анализе перевода стихотворения, давшего название всему сборнику томскими исследователями творчества поэта [2, с. 254-256]. Сравним тютчевский оригинал и подстрочный перевод стихотворения «Последняя любовь».

Последняя любовь

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней*

*Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, -
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.*

*Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь
Ты и блаженство и безнадежность.*

Die letzte Liebe

*Oh, wie am Abend unsrer Zeit
Wir abergläubischer und zarter lieben.
Es glänze, es glänz im Dämmerkleid
Die letzte Liebe, die uns geblieben!*

*Den halben Himmel hüllten Schatten,
Nur dort, im Westen, schweift ein Licht -
Verweil, verweile du vor dem Ermatten,
O Abendzauber, erlösch noch nicht*

*Mag spärlicher nun das Blut sich regen,
Im Herzen bleibt die Milde zurück...
O letzte Liebe, letztes Beben!
O Hoffnungslosigkeit, o Glück*

*О, как на закате нашего времени
Мы суеверней и нежней любим.
Сияй, сияй в сумеречном платье
Последняя любовь, которая нам осталась.*

*Полнеба накрыли тени,
Лишь там, на западе, бродит свет –
Помедли, помедли ты перед изнеможеньем
О, вечернее очарованье, пока не угасай*

*Пускай скуднее нынче течет кровь,
В сердце доброта остается....
О, последняя любовь, последний трепет
О, безнадежность, о счастье*

В стихотворении Фербер абсолютно точно передал заданный грустный тон и эмоционально-лирическую природу слов двух первых стихов. Сочетание восклицательного междометия «о» со «склоном лет» – своего рода камертон стихотворения, он перевел поэтическим выражением «am Abend unsrer Zeit» (*на закате нашего времени*). Бережно сохранены им такие важные, чисто лирические эпитеты к «любим»: *abergläubischer und zarter* (*суеверней и нежней*). В III и IV стихах оригинала появляется ряд усиливающих друг друга эпитетов: *прощальный – последняя – вечерняя*. Фербер не воспроизвел возникший параллелизм: *любви последней – зари вечерней*. Он сохранил лишь эпитет «die letzte Liebe» – последняя любовь, любовь сияющая «im Dämmerkleid» (в сумеречном платье). Возник поэтически очень красивый образ, но в нем нет того эмоционального накала, того осознания любви последней, прощальной любви на закате человеческой жизни.

Аллегоричная *вечерняя заря* раскрывает во второй строфе оригинала превосходную пейзажно-философскую картину, «стихотворение в стихотворении». Каждое слово здесь, всякий оттенок смысла несут отпечаток «последней любви» [1, с. 191]. Конкретно-пространственную связь в оригинале выделяет указательное слово *там*: *вечерняя заря* находится «непосредственно перед глазами». Эта позиция выражена

конкретно и во временном отношении: глагол *обхватила* обозначает событие уже свершившееся, но еще продолжающееся в данный момент, что адекватно отражено в переводе: *Den halben Himmel hüllten Schatten* (полнеба накрыли тени). Сумерки уже надвинулись: *Nur dort im Westen, schweift ein Licht* (Лишь там, на западе, бродит свет). В отличие от определённой формы *бредти*, неопределённая форма *бродит* означает бесцельное движение. Этот глагол здесь подобран с необыкновенной художественной точностью. Фербер нашел полное ему соответствие – глагол «schweifen» (бродить, блуждать), придающий лирическому образу «сиянья» некую неопределённость. Блуждающий свет в переведенном стихотворении не «сиянье» оригинала, но вполне равнозначно ему. А значение «сиянья» сполна раскрывается переводчиком в первой строфе и магическим заклинанием вторит тютчевскому оригиналу: «сияй, сияй...», «es glänze, es glänz».

Наивысшей кульминации чувства и эмоции достигают во второй строфе. Уже повторенное желаемое в первой строфе удваивается: *Помедли, помедли...; Продлись, продлись...* и звучит особенно настойчиво в своем суггестивном соответствии к растянутому здесь ритму [4, S. 165].

Нельзя не согласиться с авторами [2], что окончание второй строфы более напряженно и страстно, чем завершающее первую строфу. Лирический мотив усиливается: сияй, прощальный свет *любви*. Фербер не сохранил это четырехкратное заклинание: *продлись* Лирический герой настойчиво просит: *Verweil, verweile du... O, erlösch noch nicht* (Помедли, помедли... О, вечернее очарованье, пока не угасай!) Употребление местоимения *du* (ты) с императивом во 2-ом лице делает эту просьбу еще более значимой. Но всё же «очарованье» вечера так и остаётся «Abendzauber» (вечерним очарованьем), тогда как у Тютчева оно преобразуется в очарованье *последней* любви, отбрасывающей свой *прощальный свет*.

Третья строфа стихотворения, его кульминация, обрывается на самой пронзительной, высокой ноте. Первый стих строфы «*Пускай скудеет в жилах кровь...*» звучит, скорее, повелительно «пусть не скудеет», а не как уступка, которую можно было бы заключить из контекста. В. Г. Ларцев [1] отмечает: «императивность, энергия повелительного наклонения словно бы накапливается, сгущается в первых двух строфах и –бьёт через край», подчиняет себе начало третьей строфы. Возникает переключка: «*пускай скудеет*» – с заклинательными «*сияй...*», «*продлись...*», «*помедли...*». Мотив становится сквозным для всех трёх строф стихотворения. «Повелительно-уступительная» двойственность, разнонаправленность слова придает его образно-поэтическому содержанию своеобразную неточность, неопределённость. И в этом, весьма существенном для поэтического строя произведения отношении «*пускай*» оказывается в ряду других колеблющихся понятий: *нежней – суеверней –бродит сиянье*. И перевод доносит нам повелительно-уступительное значение оригинала. *Mag spärlicher nun das Blut sich regen, Im Herzen bleibt die Milde zurück...* (Пускай скуднее ныне течет кровь, в сердце остается доброта...). Неопределённость есть и в этих строках, но звучат они «мягче». Даже слово *die Milde*, выбранное Фербером, имеет значения «мягкость», «доброта», что-то смягчающее, утешающее боль. Несколькими иной смысл таит в себе тютчевская «*нежность*».

Немецкий славист К.-Д. Зеemann [4] отмечает при анализе тютчевского стихотворения, что «композиция завершается; «*суеверие*», о котором шла речь в первой строфе, теперь преодолено: в конце стихотворения лирический герой покоряется неизбежному». Нет, он не покорён, он очарован *прощальным светом любви последней* и перед этим очарованьем покоряется сама неизбежность.

Все вышеперечисленные моменты, отраженные у Тютчева, можно найти и в переводе Фербера, но высокое напряжение, эмоциональный накал строк оригинала сглажены. Пронзительный эфемерный образ последней любви в нем немного приглушен, изображен более мягкими оттенками. Тем не менее, следует отдать должное переводчику, его перевод более близок стихотворению Тютчева, чем другие, попавшие в поле нашего зрения. Его отличает благозвучность, бережное отношение к ритмико-интонационной стороне оригинала. Из некоторых критических статей о переводческой деятельности Фербера следует, что немецкий язык обрел в его лице замечательного мастера, смело вступившего в первые ряды переводчиков со славянских языков. Перевод классической лирики предъявляет к переводчику повышенные требования – воспроизвести художественный мир поэта, с его философскими установками, стилистическими особенностями изложения. Здесь легко впасть в унификацию и предложить читателю К. Фербера, а не Тютчева. К счастью, такого в работах Фербера не наблюдается. Ведь известны его переводы Гиппиуса, Мицкевича, Брюсова, Словацкого. Переводчик работает не сам по себе, а в творческо-научном контакте с энциклопедически образованными учеными, способными дать исчерпывающий ответ на вопросы, рождающиеся при чтении славянской лирики.

Безусловно, переводы Фербера из Тютчева привлекут внимание не только литературоведческой критики, но и немецкого читателя.

Список литературы

1. Ларцев В. Г. «Последняя любовь» Тютчева // Лит. учеба. 1987. № 1. С. 190-193.
2. Чадаева И. В., Уразаева Т. Т. «Последняя любовь» Ф. И. Тютчева в переводе Кристофа Фербера // Наука и образование: мат-лы VI общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 5-ти т. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2003. Т. 2. Лингвистика и филология. С. 253-257.
3. Cyzevskij D. Tjutcev und die deutsche Romantik // Zeitschrift für slavische. Philologie. Leipzig.: Markert und Peters Verlag. 1927. Bd. IV. S. 299-323.
4. Seemann K.-D. F. I. Tjutcevs «Poslednjaja ljubov» // Russische Lyrik. Eine Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse. München, 1982. 388 S.

CHRISTOPHE FERBER – INTERPRETER OF F. I. TYUTCHEV'S LOVE LYRICS**Kirienko Natal'ya Gennad'evna***Yurga Technological Institute (Branch) of Tomsk Polytechnic University
chenk@mail.ru*

The author covers the modern translation reception of F. I. Tyutchev's love poetry by German-speaking interpreter Christophe Ferber, presents the detailed comparative analysis of the translation of the poem "East Love", and substantiates the adequacy of the Russian poet's artistic world representation by the interpreter, his philosophical attitudes and the stylistic features of presentation.

Key words and phrases: F. I. Tyutchev; lyric poetry, translation reception; interpretation.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматривается такое языковое понятие как кодовое переключение, которое понимается как использование единиц разных уровней одного языка в высказывании на другом, не нарушающее грамматику основного языка, и выступает в качестве стилистического приёма или выразительного средства в современных текстах русскоязычных журналов, а также говорится о прагматических функциях данного лингвистического явления в публицистике.

Ключевые слова и фразы: кодовое переключение; стилистический приём; выразительное средство; прагматическая функция; публицистический текст.

Котлярова Надежда Александровна*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Lady.Nade@yandex.ru***КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ
И ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ[®]**

В современном тексте конца XX – начала XXI столетия мы все чаще сталкиваемся с таким понятием как кодовое переключение. Существует множество точек зрения на определения и характеристики данного лингвистического явления, а в нашем исследовании кодовое переключение (КП) будет пониматься как использование единиц разных уровней одного языка в высказывании на другом, не нарушающее грамматику основного языка и выполняющее особые прагматические функции. КП довольно часто встречается в текстах СМИ с различными целями.

Прежде чем говорить о стилистических и выразительных особенностях КП в журнальных статьях, необходимо выяснить, что такое «выразительное средство языка» и «стилистический приём».

И. Р. Гальперин определил их следующим образом:

1. Выразительное средство (лексическое, морфологическое, синтаксическое, фонетическое) усиливает эмоциональность речи, служит для логического выделения каких-либо членов предложения [2, с. 43]. К лексическим средствам И. Р. Гальперин относит пословицы, поговорки и любые другие идиоматические словосочетания [Там же, с. 45].

2. Стилистический приём, по мнению И. Р. Гальперина, сознательная, в отличие от выразительного средства, литературная обработка языкового факта – «типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи» [Там же, с. 46]. К лексическим стилистическим приемам относятся метафора, метонимия, ирония, антономазия, эпитет, оксюморон, гипербола, эвфемизм и некоторые другие явления. Использование стилистического приема означает, что автор наделяет слово в контексте дополнительной коннотацией, слово выполняет в определенном контексте стилистическую функцию.

Стилистическая функция, по определению И. В. Арнольд, это «выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, обеспечивающий передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации» [1, с. 48-49].

Некоторые лингвисты отмечают, что КП – выразительное средство и стилистический приём [3; 6], другие, например, М. И. Фомина, отмечают у них отсутствие стилистической нагрузки лексических единиц, КП нужны исключительно для передачи дословно непередаваемых на русский язык лексических единиц, т.е. для передачи предметно-логической информации [7].

КП может выступать в контексте как стилистический приём и выразительное средство. К примеру, И. Б. Голуб выделяет следующие возможности КП:

1. Живописное изображение быта других народов.
2. КП вносят в повествование элемент разговорного стиля.
3. Выразительное средство, придающее экспрессию.
4. Сатира, шутка, ирония; окказионализмы, образованные по модели иностранных слов [3].